

Другие вернулись с орденами. Зуева Павла Сафроновича награда нашла уже после войны. Заслуженный орден Красной Звезды за битву на Курской дуге, где русский мужик шел «в лобовую на танки», а комаровский солдат Зуев был разведчиком, он получил лишь в 1968 году.

После войны, в 1946 году, появляется радио. А с 1961 года с закатом солнца люди уже не зажигают керосиновую лампу. С вступлением в колхоз «Гигант» уже при Лещене Владимире Ивановиче в дома пришел электрический свет.

Были здесь и школа, и свой клуб. 7 ноября все выходили на улицу на демонстрацию не только потому, что политику партии и правительства одобряли, но и просто пообщаться друг с другом, почувствовать радость праздника.

В 70-х годах, после укрупнения колхозов, из маленьких деревень люди стали уезжать. Опустилась и Комаровка. В 1974 году из 50 дворов только в 11 жили люди.

По главной улице села тянулись пустыри с развалинами или покосившиеся избенки с заколоченными окнами. Разъехавшиеся люди рассказывают детям и внукам о событиях комаровской жизни, в которой каждый был односельчанину либо брат, либо друг, либо кум. Помнят они и своих мастеров – плотников, бондарей, столяров, портных. Почти все мастера пользовались металлическими инструментами, которые изготавливал «кузнец – всем ремеслам отец». В Комаровке кузнецом был Бударев Филимон Степанович. Переняв опыт у отца, он сам построил кузню на краю деревни и, получив в наследство от отца инструмент, кое-что изготовил и сам. Во всех дворах Комаровки и близлежащих деревень пользовались его железными печками, противнями для выпечки хлеба, ведрами, ковшками, вилами, лопатами, литовками... Проезжие люди заворачивали к нему в кузницу подковать лошадей. Рассчитывались деньгами, зерном, другими продуктами питания. Не зря пословица гласит: у кузнеца что стукнул, то гривна. Заросли лесом и та «кузня», и дорожка к ней.

Последними покинули Комаровку в 1975 году В.П. Башкиров и В.А. Якименко.

Но помнят о сильных умелых руках дедов их внуки и правнуки, живущие в Каргале.

КОММУНА «НОВАЯ ЗАРЯ» (1920–1960)

И здесь деревня начиналась
С названием Новая Заря:
Такое имя ей досталось
Уверен я, совсем не зря.
Зари сиянье отражалось
В зеркальной глубине озер,
С зарей деревня пробуждалась,
Заря входила в каждый двор.

А сколько было тут талантов
(В деревне в тридцать шесть дворов):
Певцов, танцоров, музыкантов,
В труде крестьянском мастеров!

Я прохожу деревней бывшей
И ясно слышу голоса
Людей, в деревне этой живших...
(Хотя сам не верю в чудеса).
Звучат они, как укоризна,
К уснувшей совести призыв.
То зов земли, то зов отчизны,
То скорби режущий мотив.

Л.В.Груздев

Не все крестьяне, проживающие на территории современного Шегарского района, отнеслись настороженно к революционным идеям. В 20-х годах на реке Шегарке в 2 километрах от Монастырки, в окружении трех живописных озер образовалась коммуна. Люди загорелись вековой мечтой о равенстве, братстве, взаимовыручке.

Основатели поселения решили не ждать далекого коммунистического будущего, а построить самим новую жизнь, без хозяев и господ. Нет богатых и нет бедных.

Здесь было все для счастливой жизни бесхитростных людей: сосновый бор, березовая роща, чистый ручей с родниковой водой, сладкая клубника для детворы и река Шегарка, полная рыбы.

Основным занятием коммунаров были земледелие и животноводство. Все было общее: скот, поля, зерно, овощи. И дети, и взрослые питались с одного котла.

Жители «Новой зари» вспоминали позднее, что это была настоящая КОММУНА. Жили и в домах, и в общежитиях. Для всех желающих трудиться в общем хозяйстве были построены двухэтажные дома барачного типа. Коммунарами был посажен сад и известный в районе огород, в котором главным хозяином был агроном Горохов. Со всего района сюда приезжали учиться растениеводству. В этом огороде выращивались баклажаны, перцы, кабачки и другие овощи, которые в других сибирских селах еще не садили. Одни приезжали в коммуну «Новая заря» подивиться, другие – набраться опыта.

Коммунары производили не только сельскохозяйственную продукцию. Кроме маслобойни, денежный доход давала и шерстобитня. Директором завода, на который привозили шерсть со всей округи, коммунары выбрали Василия Дмитриевича Груздева, человека грамотного и ответственного.

Жили по принципу: от каждого – по способностям, физическим возможностям и совести, каждому – по личному участию в общем деле.

Работали все от зари и до зари.

Но и веселиться умели от всей души, с размахом. Каждый в коммуне был на виду и в труде, и в праздники: один – азартный плясун, другой – балалаечник, третий – гармонист, четвертый – голосистый частушечник, пятый – опытный огородник, шестой – незаменимый конюх, седьмой так серпом работает – троим не угнаться. Вот так один перед другим и блистали талантами.

Детей в семьях было много, но без присмотра их не оставляли: работал детский сад.

Воспитателям из «общего котла» давали за работу продукты. Кроме коммунарских полей и общественного огорода, в каждой семье имелись подсобные хозяйства. (коровы и лошади были только общественной собственностью).

С годами менялась страна, менялось настроение людей. Революционную романтику сменили будни с нерешенными проблемами.

В 1934 году, после 17-го партсъезда, большинство делегатов которого были расстреляны, коммуна по решению общего собрания объединилась в колхоз, который и носил имя этого съезда. Искренне верили: партия – за простых людей.

Народ коммуны, как и повсюду в российских деревнях тех лет, был большим любителем розыгрышей. Во время войны сюда привезли ссыльных из Бессарабии. Русским языком они хорошо не владели, что часто служило причиной недоразумений. Как-то одному понадобилась лошадь – дров привезти. Один из коммунаров посоветовал обратиться к начальнику:

– Вон стоит большое лицо, подойди к нему.

Молодой бессарабец и обратился: «Ваше Большое лицо, можно к вам обратиться». Тот с изумлением ответил: «Да и Ваше – не маленькое ...».

Был в коммуне электрик Фокин, маленький, щупленький, народ дал ему кличку Пика.

– Кто бы помог с электричеством? – спрашивал приезжий.

– Да вон к Пике обратись.

– Товарищ Пика, помогите свет провести.

– Какой я тебе Пика, я – Фокин!

В 50-х годах многие жители коммуны разъехались, кто – в Федораевку, кто в Монастырку, кто в Лопушинку.

А в 60-х годах в когда-то оживленном месте, где любили, страдали, верили в коммунизм, работали с огоньком, рожали детей и жили ожиданием лучшего будущего, опустел последний дом.